

А. В. Савицкая

АФФИКСАЦИЯ ИЛИ ОСНОВОСЛОЖЕНИЕ?

Несмотря на, казалось бы, несомненное различие между двумя наиболее продуктивными способами словопроизводства шведского языка — основосложением и аффиксацией, — провести четкую границу между ними в целом ряде случаев оказывается трудно. Исследователи нередко вынуждены сомневаться в том, каким именно из этих способов образованы те или иные лексические единицы. В данной статье предпринимается попытка систематизировать наиболее спорные словообразовательные модели и проиллюстрировать взаимовлияние аффиксации и основосложения в современном шведском языке.

В истории шведского языка хорошо известны характерные для германских языков случаи перехода полнозначных слов в разряд словообразовательных аффиксов в результате их грамматикализации и выпадения из активного словарного состава языка. Классическими примерами здесь являются: -dom < domber, -skap < skaper, -lik < liker, -lek < leker. При этом предпосылкой грамматикализации всегда являлась высокая частотность употребления слова в качестве одного из компонентов композитов, сопровождавшаяся семантическим сдвигом. В разные периоды развития языка такими высокопродуктивными компонентами становились разные лексические единицы. Семантика многих из них претерпевала существенные изменения, однако полная делексикализация происходила отнюдь не часто. Сопоставление материала более ранних исследований и словарей новой лексики разных лет показывает, что во многих случаях на смену одним «модным» компонентам композитов, которым ког-

да-то приписывался статус полуаффиксов или даже аффиксов, со временем приходят другие.

Эту ситуацию особенно наглядно иллюстрирует работа Карла-Эрика Лундблада, посвященная «префиксообразным первым компонентам композитов» и написанная на материале лексики XIX–XX вв.¹ В этой работе проводится детальный анализ первых компонентов композитов, отличавшихся в разные периоды высокой продуктивностью, сопровождавшейся семантическим сдвигом. При каждой исследованной единице приводится графа «Употребительность», и легко заметить, что целый ряд единиц либо уже просто не употребляется в качестве «префиксов» (*atom-*: *atombillig* «безумно дешевый»), либо отличается крайне низкой продуктивностью (*berg-*: *bergsäker* «железно надежный», *grav-*: *gravallvar* «страшно серьезный»). Отметим также, что почти все рассматривавшиеся единицы сохранились в языке в качестве самостоятельных слов с исконным значением. Если сопоставить данные Лундблада с материалом, представленным в монографии по шведскому словообразованию Р. Сёдерберга², окажется, что к моменту ее написания, 1960 г., лишь *jätte*- и *ig-* по-прежнему сохраняют «префиксообразный» статус. Думается, однако, что ситуация с первыми компонентами композитов при всей своей наглядности не отражает проблему полуаффиксов во всей полноте. Все подобные композиты являются принадлежностью разговорной речи, куда они, как правило, попадают из сленга, т. е. из наиболее динамичного пласта языка, а следовательно, их недолговечность вполне естественна. Кроме того, префиксация значительно менее характерна для шведского языка, чем суффиксация, поэтому не случайно, что примерами общепризнанных и прочно закрепившихся в языке словообразовательных морфем интересующего нас происхождения, а также морфем, занимающих промежуточное положение, чаще служат не префиксы, а суффиксы. Но и здесь картина представляется далеко не однозначной.

Как уже было сказано, простое сравнение словарей новой лексики и списков модных слов разных периодов показывает, что многие высокопродуктивные вторые компоненты композитов со временем утрачивают свою актуальность, так и не превратившись в словообразовательную морфему в полном смысле этого слова. И если сегодня мы наблюдаем большое количество композитов-«согипонимов» с

¹ *Lundbladh C.-E. Prefixlika förleder // ORDAT. Göteborg, 2002. N 17.*

² *Söderbergh R. Svensk ordbildning. Stockholm, 1968.*

компонентами -faktor (kändisfaktor «степень участия знаменитостей», hippfaktor «степень модности», svulloffaktor «степень ожирения») или -frossa (filmfrossa «изобилие фильмов», faktafrossa «изобилие фактов», pizzafrossa «изобилие разных пицц»), семантика которых отлична от семантики соответствующих самостоятельных слов (faktor «фактор; коэффициент», frossa «обжорство»), то трудно утверждать, что через несколько десятилетий они будут столь же актуальны. Поэтому вполне естественно, что, обращаясь к проблеме статуса второго компонента, авторы общих работ по шведскому словообразованию оперируют в основном одними и теми же, уже «устоявшимися» примерами. У Рагнхильд Сёдерберг это: -artad, -lös, -full, -betonad, -riktig, -vänlig и -man³. У Улофа Турелля: -lös, -fri, -full, -rik, -sinnad, -säker, -vänlig, -verk, -man⁴. У Туре Юханниссона: -sinnad, -aktig, -mässig⁵.

Почти все эти компоненты входят в состав высокочастотных на сегодняшний день слов, однако степень их продуктивности далеко не одинакова. Так, -artad, -betonad, -full и -säker уже либо вообще отсутствуют в словарях новой лексики 1986 и 2000 гг.⁶, либо представлены в них лишь отдельными примерами. Остальные единицы могут быть отнесены к продуктивным по данным словаря 1986 г., но почти не встречаются в словаре 2000 г. Исключение составляет компонент -man, о котором будет сказано ниже. Думается, что есть основания говорить о том, что статус этих вторых компонентов в современном языке различен. Например, -aktig, -artad и -mässig обычно рассматриваются как суффиксы, но при этом два последних, наряду с -lös и -vänlig, выделяются толковыми словарями в отдельные словарные статьи как высокочастотные вторые компоненты адъективных композитов, обладающие пусть и не столь конкретной, как полноценные слова, но все же собственной семантикой. Гунлёр Юсефссон⁷ указывает еще на одно отличие -aktig, -artad и -mässig от обычных суффиксов: их присоединение к сложному слову всегда влечет за собой появление соединительной морфемы (högskolemässig «соответствующий высшей школе», granskogsaktig «напоминающий

³ Söderbergh R. Op. cit. S. 30.

⁴ Thorell O. Svensk ordbildningslära. Stockholm, 1981. S. 15.

⁵ Johannisson T. Tendenser i nutida svensk ordbildning // Nutidssvenska. Uppsatser i grammatik. Stockholm; Göteborg; Uppsala, 1964. S. 12.

⁶ Nyord i svenskan från 40-tal till 80-tal. Stockholm, 1986; Nyordsboken. Med 2000 nya ord in i 2000-talet. Svenska språknämnden och Norstedts Ordbok. 2000.

⁷ Josefsson G. Ord. Studentlitteratur. Lund, 2005. S. 134.

еловый лес»). Следовательно, в формальном отношении они функционируют как классические вторые компоненты подобных композитов. Обращает на себя внимание и тот факт, что автор специального исследования, посвященного адъективным композитам шведского и немецкого языков XIX–XX вв., Моника Хаглунд-Драгич, лишь упоминая о проблеме «псевдосуффиксов, полусуффиксов и суффиксоидов»⁸, включает все упомянутые выше единицы в сводные таблицы вторых компонентов сложных прилагательных. В то же время самостоятельных слов *aktig, *artad или *mässig не существует, и поэтому вполне логичной представляется позиция Г. Юсефссон, которая предлагает называть их «квазисуффиксами»⁹. Здесь же стоит, вероятно, отметить, что обычно рассматриваемые в разделе «Префиксы» o-, miss- и van- тоже часто выделяются толковыми словарями в отдельные статьи как первые компоненты сложных слов. Все они несут на себе аналогичное первому компоненту композита ударение, а miss даже может функционировать как самостоятельное слово в выражениях типа göra en miss «совершить ошибку». В результате в некоторых работах статус miss- как префикса ставится под сомнение.

Из «спорных» вторых компонентов, способных функционировать как самостоятельные слова, наиболее актуальны для современного языка -vänlig и -man. В статье, посвященной статусу словообразовательного элемента -vänlig, Петер Андерссон убедительно показывает высокую продуктивность данного элемента в шведском языке начиная с XIX в., и определенное развитие его семантики: djurvänlig «vänligt inställd till / vänlig mot / bra för djur» — «дружелюбно настроенный к животным / полезный для животных»; barnvänlig «bra / passande för barn» — «хороший / подходящий для детей»¹⁰. Однако в заключительной части статьи автор приводит целый ряд аргументов, не позволяющих говорить о полной грамматикализации -vänlig и считать его суффиксом. Любопытно, что одним из них является появление в последнее время конкурирующего элемента -bra (barnbra «‘хороший’ для детей», miljöbra «‘хороший’ для окружающей среды»)¹¹.

⁸ Haglund-Dragic M. Om adjektiviska sammansättningar i svenska och tyska // ORDAT. Göteborg, 2005. N 24.

⁹ Josefsson G. Op. cit. S. 136.

¹⁰ Andersson P. Ordbildningselementet -vänlig: produktivitet, suffixstatus och grammatisering // ORDAT. Göteborg, 2003. N 22. S. 2–5.

¹¹ Ibid. S. 8–9.

Ситуация со словообразовательным элементом *-man* представляется совершенно особой. Его продуктивность резко возрастает начиная со второй половины XX в., причем связана она, прежде всего, с изменением его семантики. Слово *man* наряду со значением «лицо мужского пола» уже давно приобрело нейтральное в половом отношении значение «человек», которое широко используется в сложных словах, обозначающих представителя того или иного рода деятельности. В качестве второго компонента композита *-man* приобретает функцию, аналогичную суффиксу *-are* (*valman -väljare* «избиратель»), который в настоящее время уже практически вытеснил целый ряд «женских» суффиксов. Такое развитие вполне отвечает духу времени, и ему, как пишет Катарина Грюнбаум, не следует препятствовать, поскольку оно позволяет «избежать бесплодной дискуссии о том, до какой степени женщины могут быть мужчинами»¹². И действительно, такие слова, как *talman* «спикер», *stytman* «штурман», *tjänsteman* «служащий», могут с равным успехом обозначать и мужчину, и женщину. Произошедший сдвиг в семантике компонента *-man* в сочетании с его достаточно высокой частотностью позволил исследователям шведского словообразования ставить вопрос об отнесении этого элемента к разряду полуаффиксов. С позиций сегодняшнего дня это представляется вполне оправданным. Однако нельзя не отметить, что в отношении продуктивности *-man* значительно уступает суффиксу *-are*, и, вероятно, можно говорить скорее об изменении семантики данного элемента в уже устоявшейся в словарном составе языка лексике, чем о повышении словообразовательной активности элемента *-man* в таком новом качестве. В 2005 г. Комитетом по шведскому языку была выпущена книга, посвященная дискуссионным вопросам современной грамматики, словообразования и словоупотребления. В ней, в частности, говорится о том, что, поскольку в большинстве профессий на *-man* по-прежнему доминируют мужчины, такие профессиональные наименования у многих все-таки соотносятся с мужским полом¹³. Как следствие, в целом ряде случаев имеются или создаются альтернативные наименования, лишённые половой окраски: *statsman* — *politiker*; *polisman* — *polis*; *talesman* — *representant, företrädare, språkrör* «представитель, рупор»; *vetenskapsman* — *vetenskapare, forskare* «научный работник,

¹² *Grünbaum C. Strövtåg i språket. Stockholm, 1996. S. 114.*

¹³ *Språkriktighetsboken / Svenska språknämnden och Norstedts Akademiska Förlag. Stockholm, 2005. S. 82.*

ученый, исследователь»); idrottsman — idrottare «спортсмен». Легко заметить, что в подавляющем большинстве случаев в качестве альтернатив выступают слова с суффиксом *-age*. Авторы вышеупомянутой книги дают целый ряд рекомендаций по употреблению наименований профессий, среди которых хотелось бы выделить следующую: не создавать новых названий профессий со вторыми компонентами *-kvinna* и *-man*¹⁴. Последний момент представляется небезынтересным в контексте вопроса о статусе элемента *-man*. Кроме того, если считать «мужчину» гипонимом по отношению к гиперониму «человек», окажется, что *-man* все же не отвечает одному из важнейших формальных критериев полноценного суффикса — полной утрате связи с самостоятельным словом. И думается, что эта связь едва ли будет утрачена, хотя бы в силу наличия неопределенно-личного местоимения *man*. Учитывая совокупность данных факторов и принимая во внимание неуклонно возрастающую словообразовательную активность суффикса *-age*, можно предположить, что разговор об элементе *-man* как о полуаффиксе со временем утратит свою актуальность, как это уже происходило с целым рядом когда-то высокочастотных вторых компонентов.

Подводя итоги вышесказанного, можно констатировать, что ситуация с превращением компонентов композитов в аффиксы далеко не однозначна и не перестает служить предметом дискуссий, о чем свидетельствует появление все новых и новых работ, так или иначе затрагивающих эту тематику. Причем складывается впечатление, что со временем шведские исследователи начинают проявлять все большую осторожность, избегая категоричных терминов «префикс» и «суффикс» и создавая более обтекаемые варианты типа «префиксообразные первые компоненты», «усилительные компоненты», «квзисуффиксы», «суффиксоподобные элементы» и т. п. Диахронические исследования показывают, что единицы — предметы дискуссий периодически меняются, но при этом «зона полуаффиксов» никогда не пустует, что явно свидетельствует о тяготении шведского языка к некоему «промежуточному» способу словообразования, где провести границу между основосложением и аффиксацией чрезвычайно трудно.

Помимо такого «промежуточного» способа словопроизводства, где основосложение и аффиксация ведут между собой своего рода конкурентную борьбу, в шведском языке существует и особый способ словопроизводства, при котором основосложение и аффиксация вза-

¹⁴ Språkriktighetsboken. S. 87.

имодельствуют. Его описание сопряжено с терминологическими трудностями. С. С. Маслова-Лашанская называет его «сращением»¹⁵, а В. П. Берков, трактующий «сращение» по-другому, рассматривает его в разделе «Аффиксальное словопроизводство», не снабжая отдельной рубрикой и ограничиваясь его описанием¹⁶. В шведских работах этот способ словопроизводства относят как к основосложению (Söderbergh, Josefsson), так и к аффиксации (Thorell), называя, соответственно, *Avledd sammansättning* «Словосложение с применением аффиксации» и *Avledning av ordgrupp* «Аффиксация словосочетания». Отсутствие единой терминологии обусловлено, вероятно, именно спецификой данного способа словопроизводства, при котором основосложение и аффиксация действуют одновременно. В результате образуются лексические единицы, состоящие из двух корневых морфем и суффикса, например *blåögd* «голубоглазый», *ordhållig* «верный своему слову», *soffliggare* «человек, уклоняющийся от участия в выборах», букв. «приверженец лежания на диване», *tremastare* «трехмачтовик» и т. д.

Отнесение данного способа словопроизводства к аффиксации несколько спорно, поскольку подавляющее большинство шведских композитов дериватов не образует. Например, несмотря на наличие в языке существительных *brunkräm* «крем, придающий коже коричневатый оттенок» и *regnvatten* «дождевая вода», а также прилагательного *krämig* «кремовый» и глагола *vattna* «поливать водой», дериватов **brunkrämig* и **regnvattna* не существует.

Отнесение этой словообразовательной модели к основосложению тоже не вполне правомерно, поскольку вторым компонентом полученного композита оказывается суффиксальное производное, употребляющееся исключительно в составе сложного слова. Даже в тех единичных случаях, когда второй компонент существует в языке как самостоятельное слово, говорить о том, что перед нами «классический» композит, невозможно. Рассматривая пример со словом *rödårig* «рыжеволосый», Г. Юсефссон, показывает, что если мы признаем его двухкомпонентным композитом, то будем вынуждены объяснить его значение как «*årig på ett rött sätt*» «волосатый на рыжий манер». И, следовательно, нам все равно придется прийти к заключению, что компонент *årig* в составе слова *rödårig* является чем-то иным, нежели самостоятельное прилагательное¹⁷.

¹⁵ Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка. Л., 1973. С. 162.

¹⁶ Берков В. П. Норвежская лексикология. СПб., 1994. С. 144.

¹⁷ Josefsson G. Op. cit. S. 103.

Думается, что все сложности и спорные моменты, возникающие при описании таких лексических единиц, убедительно показывают, что и здесь мы имеем дело с неким «промежуточным» способом словообразования, хотя и в другом смысле слова, по сравнению с рассмотренным ранее. Хотелось бы также отметить, что анализируемая модель тоже широко распространена в современном шведском языке и в ряде случаев созданный по ней компонент оказывается настолько продуктивным, что вслед за окказиональным композитом появляется целая цепочка композитов-«согипонимов». Ярким примером может служить появившееся в конце XX в. «слово» -*kramare* со значением «защитник, борец». Родоначальником серии композитов послужило созданное по английской модели и датированное 1980 г. слово *trädkramare* «обнимающий дерево (с целью защиты)», в семантике которого прослеживалась непосредственная связь с глаголом *krama* «обнимать»: люди, протестовавшие против вырубki зеленых насаждений ради строительства новых дорог, действительно стояли, обняв деревья. Однако помимо *trädkramare* в последнем словаре новой лексики присутствуют еще *bilkramare*, *brokramare*, *kärnkraftskramare*, *ordkramare*, *reaktorkramare*, *rälskramare*, *sjukhuskramare*, *skattekramare* «защитники, соответственно, автомобилей, мостов, атомной энергетики, слов, реакторов, железнодорожных рельс, больниц, налогов». Следовательно, есть основания говорить об изменении семантики и даже статуса компонента -*kramare*, поскольку он начинает отвечать критериям полуаффикса. Не случайно словари современного шведского языка выделяют его в отдельную статью аналогично -*mässig*, -*artad*, -*vänlig* и -*lös*. Но если обычно в «зону полуаффиксов» в результате словообразовательных процессов попадают полноценные слова, то слова **kramare* в шведском языке не существует и тяготение к статусу полуаффикса обнаруживает словоформа, возникшая в результате комбинированного способа словопроизводства. Отнюдь не претендуя на далеко идущие выводы, хотелось бы, однако, отметить, что у двух рассмотренных нами «промежуточных» способов словопроизводства намечаются некоторые дополнительные точки пересечения.

В современном шведском языке можно наблюдать и определенные черты взаимовлияния основосложения и аффиксации. Они наглядно проявляются при анализе словообразовательной активности суффикса -*are*, играющего важнейшую роль в субстантивном словопроизводстве. Этот суффикс обладает способностью высту-

пать в качестве своего рода заместителя конечного компонента сложного композита: järnvägare < järnvägstjänsteman «железнодорожник», ståuppare < ståuppkomiker «артист, выступающий в жанре “сатирик-импровизатор”», hemmahosare < hemmahosreportage «репортаж из серии “дома у...”». Однако суффикс -are может не только сокращать композиты, но и способствовать их созданию. С древних времен этот суффикс используется для образования отглагольных существительных — обозначений исполнителя действия (skapa > skapare «создатель», löpa > löpare «бегун»). В то же время Ульф Телеман отмечает, что при образовании существительного на -are от глагола, имеющего при себе обстоятельство или дополнение, создание композита часто становится неизбежностью. В противном случае эти элементы предикативного словосочетания окажутся утраченными: en som löper i skog(en) > en skogslöpare «любитель лесных пробежек», en som åker skridsko hängivet > en hängiven skridskoåkare «человек, с увлечением катающийся на коньках»¹⁸.

Основосложение и аффиксация являются наиболее продуктивными способами словопроизводства в шведском языке при доминирующей роли первого из них. Причем, как убедительно показывает С. С. Маслова-Лашанская, оба эти способа обладают помимо функции создания номинативных единиц функцией синтаксического средства, т. е. способностью передавать отношения, складывающиеся в процессе речевой коммуникации¹⁹, что существенно расширяет их возможности. В то же время, как следует из рассмотренного материала, в современном шведском языке основосложение и аффиксация пребывают в постоянном взаимодействии, что во многих случаях приводит к затруднениям при определении способа образования лексических единиц. Вероятно, есть основания говорить о том, что основосложение в известной степени способствует развитию аффиксации. Причем происходит это по-разному: основосложение то вступает с аффиксацией в своего рода конкурентную борьбу, которая иногда приводит к созданию новых аффиксов, то «вовлекает» аффиксацию в некий совместный способ словопроизводства, то «жертвует» одним из компонентов композитов, предоставляя уже имеющимся в языке аффиксам повы-

¹⁸ *Teleman U. Om svenska ord. Lund, 1970. S. 74–75.*

¹⁹ *Маслова-Лашанская С. С. О синтаксической роли словообразования в шведском языке // Скандинавская филология = Scandinavica. Л., 1991. Вып. 5. С. 25–35.*

шать свою продуктивность. Данные процессы, несомненно, находятся в шведском языке в стадии развития, и не удивительно, что уже на протяжении долгого времени они привлекают внимание исследователей.

A. V. Savitskaja

AVLEDNING ELLER SAMMANSÄTTNING?

Artikeln behandlar olika ordbildningsmönster som vållar forskare vissa bekymmer på grund av sin mellanställning. Dessa mönster är olika beroende på typen av samband mellan avledning och sammansättning. Ibland pågår det en sorts dragkamp som får forskarna att diskutera förledens respektive efterledens status och att tala om prefixlika förleder och kvasisuffix. Ibland konstaterar man ett samspel mellan avledning och sammansättning och är tvungen att analysera avledda sammansättningar eller avledningar av en ordgrupp. I vissa fall tenderar den avledda sammansättningens efterled att förvandlas till ett slags kvasisuffix. Ännu en variant av «samarbete» ser man när -are — ett av språkets mest produktiva suffix — ersätter efterleder hos en del sammansättningar och i sin tur påverkar skapandet av nya sammansättningar.